

СУЛТАНБЕК АНДИЕВ*

КОММУНИКАЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ, СОЦИАЛИЗМ**

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ РЕЙМОНДА УИЛЬЯМСА

Получено: 16.12.2025. Рецензировано: 28.03.2026. Принято: 12.04.2026.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению и анализу утопии в творчестве литературного критика и философа Реймонда Уильямса. Обращение к наследию одного из самых значительных представителей британских «новых левых» резонно. С помощью анализа академических и политических текстов Реймонда Уильямса раскрывается его концепция утопии. В первой части статьи дается описание двух видов утопии: утопии как системы и утопии как «обучения желанию». Делается вывод, что Уильямс мыслит утопию во втором смысле. Во второй части статьи утопия ставится в более широкий контекст теории коммуникаций Уильямса, предполагающей выделение четырех типов коммуникации. Интерес для теории утопии представляет последний, четвертый тип под названием «демократический тип коммуникации», который еще не до конца оформился в современных обществах. Далее речь идет о том, какие угрозы светлому будущему видел Уильямс. Он сам назвал их «Планом X». В заключительной части статьи через анализ политических текстов Уильямса дается описание необходимых социальных и политических изменений, которые могли бы способствовать реализации утопии по Уильямсу. Они касаются как сферы коммуникаций в самом общем смысле, так и отдельных институтов образования и политики. Все предлагаемые Уильямсом изменения нацелены на то, чтобы развить демократический тип коммуникации. В итоге благодаря этому типу коммуникации становится возможной реализация утопии в смысле «обучения желанию». Делается заключение об актуальности как теории коммуникаций Уильямса, так и его политического проекта, который основывается на идеях демократии и утопии.

Ключевые слова: Реймонд Уильямс, утопия, коммуникация, марксизм, обучение желанию, демократия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-81-98.

ВВЕДЕНИЕ

Британский литературный критик и социальный философ Реймонд Уильямс (1921–1988) известен в первую очередь в качестве создателя таких концептов, как «культурный материализм», «структура чувства»

*Андиев Султанбек Валерьевич, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), sandiev@hse.ru, ORCID: 0000-0001-8841-6964.

**© Андиев, С. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и «выборочная традиция», которые заложили основание для культурных исследований во второй половине XX в. В русскоязычном поле творчество Уильямса представлено слабо. Можно отметить перевод статьи Уильямса о проблеме базиса и надстройки в марксистской теории культуры (Уильямс, Рапопорт, 2012) и практическое применение концепта «структуры чувства» на отечественном материале в виде анализа фильмов Балабанова (Петровская, 2018). Меньше внимания уделяется непосредственно его социальной философии, которую Уильямс разрабатывал параллельно со своими культурными теориями, главным образом в статьях, связанных с британской политикой и обществом. В данной работе предпринимается попытка анализа социальной философии Уильямса в ее связи с идеей утопии. Для этого производится анализ и реконструкция аргументов Уильямса в его книгах и статьях разных лет. Делается предположение, что его активистская социальная философия направлена на то, чтобы создать условия, при которых становится возможной реализация утопии как «обучения желанию» (*education of desire*). Благодаря этому Уильямс достигает того, что избегает традиционной марксистской критики утопии. Помимо этого, дается его анализ современного общества и политики. Делается вывод, что анализ Уильямса сохраняет свою актуальность и для XXI в.

ДВА ВИДА УТОПИИ

Статус утопии в марксизме на протяжении его развития оставался амбивалентным: так, если Маркс и Энгельс занимали позицию, которую можно обозначить как «утопофобия» (см. Leopold, 2016), то такие марксисты, как Эрнст Блох или Анри Лefевр, напротив, уделяли большое внимание утопии в своей философии (обзор осмысления марксистами утопии см. в: Павлов, 2021). Тем не менее актуальность утопического дискурса после неудачи социалистического эксперимента в XX в. не только не уменьшилась, но в некоторых регионах мира, наоборот, возросла, что показывает постмарксистский социальный теоретик Йоран Терборн на примере «американского футуризма» (Терборн, Афанасов, 2021: 188–189). В этом отношении рассмотрение роли утопии в социальной философии Реймонда Уильямса ложится в канву возрастающего интереса к утопии среди современных левых.

Как уже было сказано выше, в данной статье речь пойдет о роли утопии именно в социально-политической философии Уильямса. Данное пояснение необходимо для отграничения от другого направления исследований утопии у Уильямса, а именно роли утопии в научной

фантастике. Тем не менее данную тему нельзя обойти стороной по причине того, что исследования утопии в научной фантастике частично легли в основу социально-политического анализа утопии у Уильямса. Вследствие этого имеет смысл кратко описать и литературоведческие исследования утопии у Уильямса (полноценный анализ утопии в научной фантастике у Уильямса см. в: Milner, 2003; 2016).

Первое прямое обращение Уильямса к теме произошло в 1956 г. в работе «Научная фантастика» (Williams, 1988). В тот момент Уильямс видел в научной фантастике три основных жанра: путропию¹, конец света и космическую антропологию. Только последний из них интересует Уильямса как репрезентирующий иной образ жизни, отличный от нашего: первые два жанра скорее являются проекцией страхов и опасений нашего настоящего в будущее. При этом, если первые два жанра вполне справедливо можно отнести к антиутопии в самом общем понимании, то Уильямс не спешит уравнивать космическую антропологию с утопией, считая утопию недостаточно «человечным» по сравнению с космической антропологией жанром, где просто нет места реальному человеческому голосу.

К теме утопии и ее отношения к научной фантастике Уильямс напрямую подступает спустя более двадцати лет после вышеупомянутой статьи в работе «Утопия и научная фантастика» (Williams, 2005), где соглашается, что между двумя жанрами есть связь, и указывает на научную фантастику как на аналог утопии нашего времени. Но научная фантастика, хотя и содержит утопический элемент, тем не менее не может быть уравнена с утопией. Причина этого заключается в том, что сама по себе научная фантастика может уйти от реализма достаточно далеко в инаковость, чтобы потерять связь с нашим миром. Слишком большая инаковость, по Уильямсу, препятствует возможности соотнесения между произведением научной фантастики и действительностью. Иными словами, утопическая научная фантастика всегда должна сохранять отсылки к реальному миру, если она не хочет перейти в раздел (почти) чистых фантазий, где уже нет места какому-то конкретному и внятному высказыванию о возможности иного устройства мира и общества.

¹ Англ. *Putropia* — судя по поисковым запросам, термин был неологизмом и не прижился. Является полным аналогом антиутопии (*dystopia*), судя по тому, что в качестве примеров Уильямс приводит классические антиутопии Оруэлла, Хаксли, Брэдбери и Замиятина.

Уильямс, находящийся в центре спора об утопии в британских марксистских кругах (о споре см. Anderson, 1980: 157–175), ссылается на работы Мигеля Абенсура для различения двух утопических модусов: системного и эвристического. В то время как первый модус можно назвать «классическим» и занятым скорее систематичным описанием возможно иного устройства общества, эвристическая утопия концентрируется на иной системе желаний и ценностей. Это аналитическое деление Уильямс переносит и в свое социально-политическое высказывание об утопии, к которому мы и переходим.

В одной из своих последних крупных работ, книге «К 2000 году», которая была посвящена как анализу будущего, так и состоянию Британии в 1980-е гг., Уильямс в самом начале своих рассуждений поднимает вопрос утопизма. Он указывает на то, что утопия как модус мышления вновь набирает активность, и связывает это с разочарованием в конвенциональной политической активности. При этом Уильямс отказывается считать возрастание интереса к утопиям непременно признаком эскапизма или нежелания взаимодействовать с реальностью. Вместо этого он предлагает рассмотреть два вида утопии: систематическую утопию и утопию как «обучение желанию» (Williams & McGuigan, 2015: 9).

Оба вида утопии имеют как сильные, так и слабые стороны. Систематическая утопия по Уильямсу — более старый модус существования утопии, который можно увидеть в классических утопиях Мора, Кампанеллы или социалистов-утопистов. К 1980-м гг. систематические утопии уже потеряли ту популярность и привлекательность, что были им свойственны раньше. Они были раскритикованы в своей «отзеркаленной» форме в виде антиутопий, гораздо более популярных в XX в. Интеллектуалы, осуждавшие этот вид утопий, решили, что само стремление к более справедливому и лучшему обществу ведет к его противоположности. Уильямс указывает на распространенность этого аргумента, но замечает, что в своей основе он строится не на собственно попытках реализации утопии, а на истории вооруженных восстаний и революций (главным образом, большевистской революции). Однако сами большевики никогда не считали своей задачей реализацию систематической утопии и рассматривали все в рамках классовой борьбы и битвы за новое социальное устройство. Тем не менее, хотя критика систематических утопий в целом может иметь основания, она не учитывает положительную сторону систематической утопии: такая утопия может показать и в общем смысле, и в деталях, что «люди могут жить радикально разными способами, радикально разными ценностями, в радикально

различных социальных порядках» (Williams & McGuigan, 2015: 10). Систематическая утопия показывает, что ценности и жизненные уклады могут сменяться другими. Это выводит нас из близорукости нашего настоящего и позволяет увериться, что изменения возможны (правда, не только в лучшую, но и в худшую сторону).

Но более популярной в современности является другой вид утопии. Она не строит систем альтернативного образа жизни, а формирует наши желания. Она нацелена на то, чтобы чувствовать и желать за пределами того, что позволяет чувствовать и желать текущий статус-кво. Недостаток подобного типа утопий состоит в том, что часто они крайне размыты или (что более важно) слишком субъективны и приватны, и в результате они могут попасть в ловушку существующего социального порядка или маркетинга. Но если такие утопии включают в себя действительно альтернативные существующему порядку вещей ценности и других людей, то такое, пускай и незначительное, меньшинство людей встает на путь встречи с другим таким же меньшинством людей, которые верят в возможность систематического изменения мира (ibid.: 11–12).

Надо отметить, что второй тип утопий как концепт не является изобретением Уильямса, а заимствован им у британского историка-марксиста Эдварда Томпсона. Томпсон, в свою очередь, взял концепт «обучения желанию» (и соответственно, идею эвристической утопии) у французского политического философа Мигеля Абенсура, который применил его к изучению утопии «Вести ниоткуда» британского писателя-социалиста Уильяма Морриса (историю вопроса см. в: Nadir, 2010).

Исходя из подобного деления утопий на систематические и утопии как «обучение желанию», можно рассмотреть социальную философию Уильямса как направленную на то, чтобы как можно большее количество людей смогло участвовать в этом процессе выработки новых альтернативных ценностей и желаний. Как будет показано, это достигается с помощью создания таких условий для коммуникации, которые выходят за пределы существующей капиталистической системы культурного производства и коммуникации. Проект такой коммуникации Уильямс представляет в своей книге «Долгая революция» (Williams, 1961) и сборнике статей «Ресурсы надежды: культура, демократия, социализм» (Williams, 1989d), к рассмотрению которых мы переходим.

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИЙ РЕЙМОНДА УИЛЬЯМСА

Реймонд Уильямс обсуждает необходимость создания теории коммуникаций в своей лекции «Коммуникации и сообщество» 1961 г. (Williams,

1989а) и расширяет ее исторически и теоретически в своей книге 1962 г. «Коммуникации» (Williams, 1973). Он указывает на важность прояснения отношений между коммуникациями и сообществом, выяснения того, какие формы коммуникации существуют в обществе и что они говорят об обществе и его будущем. Подобная теория нужна потому, что коммуникации представляют собой не нечто вторичное, неважное, происходящее после того, как все важное уже произошло, а напротив, являют собой важный элемент нашего общества и наших умов, пускай иногда мы не осознаем влияние коммуникации. С ее помощью мы формируем и интерпретируем проживаемую нами реальность, поэтому тот, кто пишет о коммуникации в ее различных формах, с необходимостью занимает позицию социального критика. Критик рассматривает общество с разных сторон, которые могли ускользнуть от более классических экономических или политических подходов (Williams, 1989а: 20–21). Таким образом, Уильямс уходит от ортодоксального марксистского рассмотрения общества только через призму экономики или классов в сторону признания важности в общественных процессах коммуникационной составляющей наравне с политикой и экономикой.

Реймонд Уильямс считает, что можно выделить четыре основные модели организации коммуникаций, которые уже имеются в разных обществах: авторитарная, патерналистская, коммерческая и демократическая.

При авторитарной модели коммуникаций правящее меньшинство всеми силами стремится удержать власть и использует для этого любые доступные средства, которые бы держали остальных в подчинении. В авторитарной модели все средства коммуникаций находятся под контролем правящего меньшинства, и любые попытки трансляции иных идей пресекаются. Эта модель основана на монополии определенных идей, которые признаются в качестве истинных и не подлежат никакому сомнению и критике. Такая модель коммуникаций существовала в истории многих сообществ и до сих пор имеет место в некоторых странах (*ibid.*: 23–24).

Следующая модель культуры коммуникации по Уильямсу — патерналистская. Она напоминает авторитарную, но с тем исключением, что в этой модели правящее меньшинство нацелено не на простое сохранение своей власти, а на развитие и поднятие до своего уровня большинства населения, которое мыслится как дети или как недостаточно обученные. Уильямс отмечает, что хотя создатели такой системы могут иметь наилучшие намерения, но на практике они пытаются отрицать какую-либо

агентность у большинства населения, апеллируя к тому, что люди «еще не готовы». В качестве примера современной патерналистской модели Уильямс приводит Британскую вещательную корпорацию (BBC), которая была создана с целью просвещения большинства. Такая система может дать много положительных эффектов, но в итоге сталкивается с кризисом (Williams, 1989a: 24–25).

Кризис этих двух моделей проявляется в вопросе о том, почему меньшинство должно иметь право решать, что читать, слушать или смотреть большинству. Не важно, происходит ли это по причине желания сохранить власть или же из лучших побуждений относительно просвещения масс. Появляется призыв дать свободу выбирать, которая реализуется посредством рынка. Он связан с третьей моделью коммуникаций — коммерческой. Уильямс указывает, что это наиболее распространенный в современности тип коммуникации и что в Британии понадобилось несколько веков, чтобы он смог стать доминирующим типом коммуникации. Являясь более прогрессивным по сравнению с двумя предыдущими типами коммуникации, коммерческий тип выводит коммуникацию из-под контроля правящей группы людей, провозглашает свободу слова, но при этом подчиняет коммуникацию контролю рынка: главной характеристикой коммуникации становится прибыль, которую она может принести. Господство законов рынка приводит к тому, что контроль за коммуникацией оказывается в руках уже другой, но столь же малой группы людей, которые решают, что и когда издавать для широкой публики (ibid.: 25–26). Таким образом, все три ранее обозначенные системы строятся на инструментализации коммуникации и превращение ее в механизм господства (Fuchs, 2017: 746). Уильямс указывает на то, что коммерческая система занимает все большее пространство и что ее негативные характеристики превзойдут положительные воздействия, которые она оказывала ранее. Учитывая, что положительные эффекты патерналистской системы также уходят в прошлое, Уильямс указывает на назревающий тупик.

Выход из этого тупика Уильямс видит в четвертом, демократическом типе коммуникаций, который пока еще имеет скорее теоретическое, чем реальное наполнение, но тем не менее сама возможность помыслить иное положение дел становится необходимым условием для изменения настоящего. Именно такой тип коммуникаций можно было бы описать как «обучение желанию». Демократическая система коммуникации строится на положении о том, что коммуникация принадлежит всему обществу и потому, если она хочет быть здоровой, должна строиться

на максимальном участии в ней отдельных членов общества. Демократический тип коммуникаций предполагает отказ от убеждения в том, что коммуникации — это дело меньшинства, которое хочет контролировать или обучать большинство. Иначе говоря, эта модель утверждает, что средства коммуникации должны находиться под контролем людей, которые в них непосредственно участвуют, и эти люди не должны быть объектами воздействия для какой-либо малой группы. Уильямс увязывает демократический тип коммуникации с социализмом, хотя и указывает на то, что в умах многих он связан с централизацией и цензурой. Это заставляет задуматься о том, чтобы преодолеть текущие формы организации коммуникаций. Уильямс выступает против создания некой идеальной национальной системы. Вместо этого он предлагает задаться вопросом: «Являются ли средства выражения такими, что они могут быть в индивидуальном владении тех людей, которые ими пользуются?» (Williams, 1989a: 30)

Мы можем сказать, что такое возможно относительно художника и его красок и холста, писателя и компьютера. Уильямс выступает в таком случае за возможность индивидуального пользования этими средствами. Но когда дело касается целых съёмочных площадок, газет, театров или вещательных теле- и радиостанций, то говорить об индивидуальном владении не имеет смысла. В этих случаях Уильямс предлагает систему, в которой эти средства коммуникаций будут сдаваться в пользование различным группам производителей художественного и информационного материала. Такая система будет децентрализованной, и решение о том, что производить, будет зависеть в конечном счете непосредственно от людей, участвующих в этом производстве. Уильямс признает, что подобная система столкнется с противодействием как тех, кто активно участвует в существующей системе, так и тех, кто просто впитал господствующие представления о природе коммуникаций, но заключает, что только в ней может быть найден выход из тупика.

Демократический тип коммуникаций предполагает реальное многообразие в коммуникации: индивид или группа должны иметь возможность донести свою работу до широкой публики. Уильямс отмечает, что подобная позиция сталкивается с возражением относительно того, что некоторые взгляды и работы могут быть названы вредоносными или опасными и поэтому должны быть ограничены. Не возвращает ли это коммуникацию на уровень патерналистской системы с ее контролем за тем, что должно и не должно поощряться? Уильямс дает отрицательный ответ. Во-первых, при демократической культуре такое решение об

ограничении может быть вынесено только самим большинством, а не меньшинством, которое берет на себя привилегию решать за большинство. Во-вторых, в условиях демократической формы коммуникации Уильямс призывает к открытому обсуждению проблемных вопросов, в котором могут участвовать все, кто считает их важными и требующими рассмотрения. В конце концов, он считает, что демократический тип коммуникации предполагает не только свободу создавать, но и свободу призывать к ответу за свое творение (Williams, 1973: 123).

Идея Уильямса о демократическом типе коммуникаций была в дальнейшем развита в дискурсе об альтернативных медиа, которые противопоставляются современным коммерческим типам медиа (см., напр.: Kenix, 2011; Vatikiotis, 2005). Так, современный интернет и цифровые медиа, которые характеризуются доминированием крупных монополистических корпораций (Google, Amazon, Microsoft и т. д.), не обязательно должны быть таковыми. Демократический тип коммуникации призывает к изменению интернета в сторону превращения его в децентрализованный и исходящий с «низов» проект. Примером такого проекта может являться «Википедия» (Fuchs, 2017: 748). Надо отметить, что к «Википедии» как к проекту «реальной утопии» обращался в свое время и социолог Эрик Олин Райт, когда приводил примеры практик, которые выходят за пределы капиталистической системы и могут стать примером для демократических инициатив лучшего будущего (Wright, 2010: 3).

Помимо описания четырех систем коммуникаций, Уильямс также предлагает целый ряд реформ, которые могли бы приблизить полноценное создание демократической культуры хотя бы в рамках такого государства, как Великобритания. Так, Уильямс выделяет отказ от единственного «правильного» варианта английского языка в сторону признания региональных различий как естественных и не «неверных» (с тем ограничением, что самые радикальные формы различий должны быть сглажены), информирования об институтах, обучения различным формам письма (таким как, например, письмо протеста в местную газету), современному искусству, критике различных форм медиа. Но нельзя перенести весь вес преобразований только на образование — необходимо также изменение институтов. Например, Уильямс предлагает создание национального совета по книгам, который будет заниматься поддержкой как независимых книжных издательств, не входящих в крупные медиахолдинги, так и независимых книжных магазинов.

В сфере вещания Уильямс предлагает создание выпускающих компаний, которые бы получали необходимое оборудование и частоты вещания от независимых органов. Все это — иллюстрация «обучения желанию».

«ДОЛГАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ПЛАН X

Другим важным элементом концепции утопии в социальной философии Реймонда Уильямса выступает его понимание социальных процессов, которые он обозначает как «долгую революцию» (*The Long Revolution*). Уильямс посвящает ей одноименную книгу 1961 г. (Williams, 1961). Помимо того что в данной работе впервые подробно раскрывается такой важный для культурной теории Уильямса концепт, как структура чувства, она также продолжает анализ британского общества, начатый еще в «Культуре и обществе» (Williams, 2017). Уильямс определяет «долгую революцию» как «действительную революцию, трансформирующую людей и институты, постоянно расширяющуюся и углубляющуюся действиями миллионов людей, постоянно и различно противящуюся явной реакции и давлению укоренившихся форм и идей» (Williams, 1961: X). «Долгая революция» состоит из трех отдельных, но тесно переплетенных друг с другом революций: политической, индустриальной и культурной.

Политическая революция — это все более укрепляющееся представление о том, что народ должен управлять сам собой. Это проявляется как в расширении избирательных прав в мире, так и в борьбе колонизированных народов за свою свободу. Критерий самоуправления, центральный для политической революции у Уильямса, при этом показывает, что в данный момент политическая революция находится еще на своей ранней стадии.

Индустриальная революция состоит в научном развитии, которое охватило весь мир. Ее масштаб и глубина уже превзошли все ожидания, но остаются не до конца изученными. Все еще сохраняется большой разрыв между развитыми странами и догоняющими. Это позволяет Уильямсу прийти к заключению, что индустриальная революция тоже находится еще на ранней стадии. При этом он указывает на амбивалентную связь между индустриальной и политической революциями: с одной стороны, индустриальная революция является стимулом к демократии, но, с другой стороны, необходимость индустрии в определенного рода организации ведет к тому, что стремления к самоуправлению не всегда реализуются в полной мере.

Третья, культурная, революция выражается в том, что все больше людей вовлекается в процесс обучения в виде знакомства с грамотой

и более продвинутыми формами коммуникации. При этом сама культурная революция, как и две предыдущие, все еще находится на раннем этапе, так как во многих местах даже базовая грамотность пока доступна не каждому, а в более развитых странах появляются всё новые сферы образования и методы коммуникаций.

«Долгая революция» продолжается и по сей день, хотя, как будет показано ниже, ее ход в исторический момент, начиная с конца 1980-х гг., возможно, претерпевает замедление или в некоторых моментах даже разворот назад. Но при этом нельзя не отметить тот факт, что определенный прогресс в форме распространения прав и свобод среди все большего числа людей сохраняется до сих пор и формирует возможности для дальнейшего их укрепления (McGuigan, 2019: 116–117).

Как уже было сказано, у «долгой революции» есть те, кто ей активно противостоит. Уильямс обращается к этой теме вновь в работе «К 2000 году». Он отмечает, что ошибочно было бы считать, что все противники «долгой революции» — реакционеры, которые не думают о будущем. Конечно, среди них есть и такие, но не они представляют главную опасность для прогрессивного движения. Куда более опасны те силы, которые думают и планируют будущее несколько не меньше, чем прогрессивные силы. Эти противники стремятся не к разрешению проблем, а к стратегическому превосходству. Уильямс дает этой политике название «План X». Это «план», так как в такой политике в самом деле содержится действительное планирование, но с тем важным исключением, что его цель — это нечто неизвестное, X, чьей единственной характеристикой является превосходство. Этот план связан с более старым видом планирования с позиции силы, но, в отличие от него, он также впитал в себя пессимистичное видение будущего, которое не предполагает решения проблем, стоящих перед обществом. В лучшем случае речь может идти только об оттягивании текущего кризиса и опасностей, а самой главной целью является получение хотя бы временного преимущества перед прогрессивными интеллектуалами и неимущими классами.

Уильямс приводит как пример подобной политики ядерную гонку 1970-х гг., где конечной целью было не разоружение или паритет, а временное преимущество в ситуации постоянного кризиса. «План X» отражает определенные экономические изменения в капиталистической системе: невозможность поддерживать привычный уровень прибыли при сохранении нынешних социальных и экономических ожиданий работников. «План X» предполагает необходимость урезания этих ожиданий,

чтобы сохранить преимущество для своих сторонников. Таким образом, можно сказать, что Уильямс в начале 1980-х гг. формулирует очертания того, что в дальнейшем получит название неолиберализма. Место политики занимает постоянный и повсеместный кризис-менеджмент как общее настроение. В «структуре чувства» общества развивается то, что социолог Джон Урри обозначает термином «новый катастрофизм», который рисует пессимистичную картину будущего человечества (Урри, Матвеев, 2019).

СОЦИАЛИЗМ(Ы) И ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ XXI ВЕКА

Обозначив теорию коммуникаций Реймонда Уильямса, роль утопии для общества и предупреждение о «Плане X», мы должны перейти к тому, что можно обозначить как альтернативу, которую предлагает мыслитель для существующего положения дел.

Центральный элемент видения будущего у Уильямса — его демократизм. Уильямс выступает за переосмысление как всего социалистического опыта на момент конца XX в., так и роли демократии в нем. Проблемой является контраст между демократией и «реальным существующим социализмом». Уильямс признаёт как факт, что большинство социалистических революций произошли в странах, где не было сильной и долгой традиции буржуазной демократии. Это привело к тому, что сторонники этих революций в своих представлениях о буржуазной демократии ограничивались карикатурой и упрощениями реального характера этой демократии. Вследствие этого критика буржуазного государства изнутри со стороны либеральной и социал-демократической традиции была проигнорирована социалистами, и это ослабило их критическую позицию касательно буржуазной демократии. Либерализм и социал-демократия в своей имманентной критике современного государства могут и должны быть восприняты как необходимый теоретический ресурс для формирования идеи социалистической демократии, которая, по мнению Уильямса, не должна мыслиться как противоположность «ложной» буржуазной демократии. Она представляет собой именно качественное развитие этой буржуазной демократии и расширение ее на все сферы общества.

Реймонд Уильямс указывает, что в реальности из-за различных условий у разных народов не может быть единственной правильной формы социализма, — он предпочитает говорить о социализмах во множественном числе. Механизмы и институты могут изменяться, но остается важным уйти от того, что можно обозначить как правление единственной

партии, которая заменяет собой класс и срастается с государственной машиной. Необходимо разрушить сцепку корпоративного капитализма с либеральной демократией, превзойдя их обоих. В социалистической теории и практике либеральная демократия должна впервые найти свое действительно серьезное выражение. Так, свобода печати — это не просто свобода для капиталистической печати; демократия — это не просто соревнование буржуазных партий, а само соревнование этих партий не означает, что нет реального выбора. Уильямс призывает выйти за пределы подобных дихотомий и признать всю сложность демократии, которая не исчезнет, а только возрастет при социализме (Williams, 1989f: 303–304). В статье «Демократия и парламент» мыслитель задает некоторые ориентиры для социалистической демократии, которая должна строиться на новом виде общественных, кооперативных и коллективных институтов, уважающих право на свободу печати, свободу слова и свободу выдвижения кандидатов, но также и возможность открытого обсуждения проблем и их решений всеми, кто заинтересован в них (Williams, 1989c: 272). Уильямс выдвигает целый ряд предложений относительно того, что можно изменить в современной для него Великобритании, дабы приблизить ее институты к образу социалистической демократии: преобразование «подданных» в «граждан», устранение палаты лордов с возможной заменой верхней палаты парламента на собрание, состоящее из представителей регионов, индустриальных и профессиональных объединений, и множество других предложений.

В поисках агентов потенциальных изменений Уильямс выделяет три новых движения: движение за мир и ядерное разоружение, экологическое движение и феминизм. Уильямс указывает на соединение в них данных различных наук с прямым действием (*direct action*). Такая комбинация создает новый политический феномен. В этих движениях он надеется найти потенциальное отражение интересов большинства людей. Развивается также и то, что Уильямс обозначает как «альтернативную культуру», — в виде различных работ в театре, кино, литературном анализе (Williams & McGuigan, 2015: 200–201). Можно отметить, что Уильямс оказался прав относительно важности вопросов феминизма и зеленой политики в будущем, — переход зеленой политики в мейнстрим политического дискурса это подтверждает.

Реймонд Уильямс указывает также на то, что пришло время отказаться от мышления о политике только на уровне непосредственно национальных государств. По Уильямсу, большинство национальных

государств — одновременно и слишком велики, и слишком малы для эффективной политики. Они слишком малы, так как большинство из них не может оказывать существенного влияния на мировую экономику и не имеет существенных военных сил. Но при этом они и слишком велики, так как включают в себя разнообразные регионы с неравным развитием и своими особенностями. В качестве примера Уильямс приводит Великобританию и заключает, что необходимо обдумывать новые образы политических форм, которые бы удовлетворяли потребностям большинства населения за пределами национальных государств (Williams, 1989b: 238–239). Уильямс обсуждает в этом контексте то, что он обозначает как «политику места» и политику «единения» (*bonding*). Пролетариат по-прежнему не имеет родины, но у него всегда было место в виде различных исторически сложившихся сообществ. Уильямс указывает, что это ни в коем случае не означает преуменьшения проблем, существующих в таких сообществах (неравное положение женщин или узкая борьба исключительно за размер оплаты труда), но для действительно эффективного политического движения невозможно добиться хоть каких-то успехов, если в его основе не лежит ориентация на реальных людей.

В одном из своих последних интервью, озаглавленном «Практика возможности», Уильямс предполагает построение такой стратегии для левых, которая выходит за пределы национальных государств, увязываясь одновременно с куда более крупной наднациональной ориентацией и с более локальной спецификой каждого региона. Также он задается вопросом о соотношении универсального и партикулярного в современной левой политике: марксизм всегда представлял пролетариат в качестве универсального класса, чей общий опыт эксплуатации станет главенствующим в понимании самого себя, превзойдя более специфические национальные, региональные и религиозные узы. Уильямс согласен с тем, что экономическая система капитализма воспроизводит классовое сознание в качестве универсального опыта пролетариата, но указывает и на тот факт, что борьба с этой всеохватывающей системой всегда учитывала и принимала во внимание более специфические формы единения (Williams, 1989e: 316–318). Таким образом, универсальное классовое сознание находит свое практическое воплощение всегда только в определенном контексте места и сообщества. Отказ от этих специфических условий в виде классового редукционизма не приведет к усилению классового сознания, а напротив, окажет разрушающее воздействие на борьбу с этой системой.

Все это позволяет говорить о том, что Уильямс формирует такое видение политики, где центральное значение приобретает включение людей в обсуждение и решение проблем, непосредственно связанных с их местами. Это видение подразумевает многообразие как самих этих проблем, так и участников обсуждений и возможных решений. Оно выходит за пределы традиционной левой партийной политики и политики в рамках национального государства, включает множество новых элементов и участников, что отражает тот факт, что социализм в понимании Уильямса будет устроен куда сложнее, чем нынешнее общество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье было реконструировано место утопии в более широком контексте социальной философии Реймонда Уильямса. Было показано, что Уильямс, говоря об утопии, предполагает определенные изменения в структуре общества, которые позволят большинству людей заняться тем, что можно обозначить как «обучение желанию». Демократизация, децентрализация и расширение возможностей коммуникации в таком случае становятся не самоценными целями, а условиями действительного раскрытия человеческого потенциала большинства людей, да и просто необходимостью — при куда более сложной системе, которую будет представлять собой социализм. «Долгая революция», которую описывает Уильямс, еще не завершена, и на ее пути стоит множество преград, которые могут ее замедлить. Замечания Уильямса о ситуации перманентного кризиса, боязни будущего остаются актуальными и сегодня. В этом случае социальная философия Уильямса может стать источником вдохновения для альтернативных проектов построения будущего, которые обязательно будут включать в себя надежду как конструирующий элемент.

ЛИТЕРАТУРА

- Павлов А. В.* Утопия в новейшем западном марксизме : аномалия, надежда, наука // Вопросы философии. — 2021. — № 9. — С. 25–36.
- Петровская Е.* На стороне новых варваров // Новое литературное обозрение. — 2018. — № 149. — С. 489–508.
- Терборн Й.* От марксизма к постмарксизму? / под ред. А. В. Павлова ; пер. с англ. Н. Афанасова. — М. : НИУ ВШЭ, 2021.
- Уильямс Р.* Базис и надстройка в марксистской теории культуры / пер. с англ. Е. Рапопорт // Логос. — 2012. — Т. 85, № 1. — С. 136–156.

- Урри Д. Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвеевко. — М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Anderson P. Arguments within English Marxism. — London : NLB, 1980.
- Fuchs C. Raymond Williams' Communicative Materialism // European Journal of Cultural Studies. — 2017. — Vol. 20, no. 6. — P. 744–762.
- Kenix L. J. The Future of Alternative Media? // Observatorio (OBS*) Journal. — 2011. — Vol. 5, no. 1. — P. 187–214.
- Leopold D. On Marxian Utopophobia // Journal of the History of Philosophy. — 2016. — Vol. 54, no. 1. — P. 111–134.
- McGuigan J. Raymond Williams : Cultural Analyst. — Bristol : Intellect, 2019.
- Milner A. Utopia and Science Fiction in Raymond Williams // Science Fiction Studies. — 2003. — Vol. 30, no. 2. — P. 199–216.
- Milner A. Resources for a Journey of Hope : Raymond Williams on Utopia and Science Fiction // Cultural Sociology. — 2016. — Vol. 10, no. 4. — P. 415–430.
- Nadir C. Utopian Studies, Environmental Literature, and the Legacy of an Idea : Educating Desire in Miguel Abensour and Ursula K. Le Guin // Utopian Studies. — 2010. — Vol. 21, no. 1. — P. 24–56.
- Vatikiotis P. Communication Theory and Alternative Media // Westminster Papers in Communication and Culture. — 2005. — Vol. 2, no. 1. — P. 4–29.
- Williams R. The Long Revolution. — New York : Columbia University Press, 1961.
- Williams R. Communication. — London : Pelican Books, 1973.
- Williams R. Science Fiction // Science Fiction Studies. — 1988. — Vol. 15, no. 3. — P. 356–360.
- Williams R. Communication and Community // Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism. — London, New York : Verso, 1989a. — P. 19–31.
- Williams R. Decentralism and the Politics of Place // Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism. — London, New York : Verso, 1989b. — P. 238–245.
- Williams R. Democracy and Parliament // Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism. — London, New York : Verso, 1989c. — P. 256–280.
- Williams R. Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism. — London, New York : Verso, 1989d.
- Williams R. The Practice of Possibility // Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism. — London, New York : Verso, 1989e. — P. 312–322.
- Williams R. Towards Many Socialisms // Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism. — London, New York : Verso, 1989f. — P. 295–313.
- Williams R. Utopia and Science Fiction // Culture and Materialism. — London : Verso, 2005. — P. 196–212.
- Williams R. Culture and Society. — London : Vintage, 2017.
- Williams R., McGuigan J. A Short Counter-Revolution : Towards 2000 Revisited. — Los Angeles : SAGE, 2015.
- Wright E. O. Envisioning Real Utopias. — London, New York : Verso, 2010.

Andiyev, S. V. 2026. "Kommunikatsiya, demokratiya, sotsializm [Communication, Democracy, Socialism]: sotsial'no-politicheskaya filosofiya Reymonda Uil'yamsa [The Social-Political Philosophy of Raymond Williams]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (2), 81–98.

SULTANBEK ANDIYEV

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-8841-6964

COMMUNICATION, DEMOCRACY, SOCIALISM

THE SOCIAL-POLITICAL PHILOSOPHY OF RAYMOND WILLIAMS

Submitted: Dec. 16, 2025. Reviewed: Mar. 28, 2026. Accepted: Apr. 12, 2026.

Abstract: The article is devoted to the consideration and analysis of utopia in the works of literary critic and philosopher Raymond Williams. Using the analysis of both academic and purely political texts by Raymond Williams, his theory of utopia is revealed. In the first part of the article, a description of two types of utopia is given: utopia as a system and utopia as "education of desires." It is concluded that Williams thinks of utopia in the second sense. Then, in the second part of the article, utopia is put into a wider context of Williams' communications theory, which involves four types of communication. Importance for the theory of utopia is represented by the last fourth type of communication called a democratic type of communication, which has not yet been fully formed in our society. In the final part of the article, through the analysis of the political texts of Williams, descriptions of the necessary social and political changes are given that could contribute to the implementation of utopia. They relate to both the spheres of communications in the most general sense, and to individual institutions of education and politics. All the changes proposed by Williams are aimed at developing a democratic type of communication. As a result, thanks to this type of communication, it becomes possible to realize utopia in the sense of "education of desires." A conclusion is made on the relevance of both the theory of the communications of Williams, and his political project, which is based on the ideas of democracy and utopia.

Keywords: Raymond Williams, Utopia, Communication, Marxism, Education of Desires, Democracy.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-81-98.

REFERENCES

- Anderson, P. 1980. *Arguments within English Marxism*. London: NLB.
- Fuchs, C. 2017. "Raymond Williams' Communicative Materialism." *European Journal of Cultural Studies* 20 (6): 744–762.
- Kenix, L. J. 2011. "The Future of Alternative Media?" *Observatorio (OBS*) Journal* 5 (1): 187–214.
- Leopold, D. 2016. "On Marxian Utopophobia." *Journal of the History of Philosophy* 54 (1): 111–134.
- McGuigan, J. 2019. *Raymond Williams: Cultural Analyst*. Bristol: Intellect.
- Milner, A. 2003. "Utopia and Science Fiction in Raymond Williams." *Science Fiction Studies* 30 (2): 199–216.
- . 2016. "Resources for a Journey of Hope: Raymond Williams on Utopia and Science Fiction." *Cultural Sociology* 10 (4): 415–430.

- Nadir, C. 2010. "Utopian Studies, Environmental Literature, and the Legacy of an Idea: Educating Desire in Miguel Abensour and Ursula K. Le Guin." *Utopian Studies* 21 (1): 24–56.
- Pavlov, A. V. 2021. "Utopiya v noveyshem zapadnom marksizme [Utopia in Contemporary Western Marxism]: anomal'ya, nadezhda, nauka [Anomaly, Hope, Science]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 25–36.
- Petrovskaya, Ye. 2018. "Na storone novykh varvarov [On the Side of the New Barbarians]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]*, no. 149, 489–508.
- Therborn, G. 2021. *Ot marksizma k postmarksizmu? [From Marxism to Post-Marxism?]* [in Russian]. Ed. by A. V. Pavlov. Trans. from the English by N. Afanasov. Moskva [Moscow]: NIU VSh.E [HSE Publishing House].
- Urry, J. 2019. *Kak vyglyadit budushcheye? [What Does the Future Look Like?]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Matveyenko. Moskva [Moscow]: ID "Delo" RANKhiGS [Delo Publishers of RANEPa].
- Vatikiotis, P. 2005. "Communication Theory and Alternative Media." *Westminster Papers in Communication and Culture* 2 (1): 4–29.
- Williams, R. 1961. *The Long Revolution*. New York: Columbia University Press.
- . 1973. *Communication*. London: Pelican Books.
- . 1988. "Science Fiction." *Science Fiction Studies* 15 (3): 356–360.
- . 1989a. "Communication and Community." In *Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism*, 19–31. London and New York: Verso.
- . 1989b. "Decentralism and the Politics of Place." In *Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism*, 238–245. London and New York: Verso.
- . 1989c. "Democracy and Parliament." In *Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism*, 256–280. London and New York: Verso.
- . 1989d. *Resources of Hope: Culture, Democracy, Socialism*. London and New York: Verso.
- . 1989e. "The Practice of Possibility." In *Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism*, 312–322. London and New York: Verso.
- . 1989f. "Towards Many Socialisms." In *Resources of Hope : Culture, Democracy, Socialism*, 295–313. London and New York: Verso.
- . 2005. "Utopia and Science Fiction." In *Culture and Materialism*, 196–212. London: Verso.
- . 2012. "Bazis i nadstroyka v marksist-skoj teorii kul'tury [Base and Superstructure in Marxist Cultural Theory]" [in Russian], trans. from the English by Ye. Rapoport. *Logos* 85 (1): 136–156.
- . 2017. *Culture and Society*. London: Vintage.
- Williams, R., and J. McGuigan. 2015. *A Short Counter-Revolution: Towards 2000 Revisited*. Los Angeles: SAGE.
- Wright, E. O. 2010. *Envisioning Real Utopias*. London and New York: Verso.